

Воскресенье 22-го июня 1941 года было чудесным летним днем. Ленинградцы после трудовой недели отдыхали: катались на лодках, уезжали в Петергоф, Детское Село, собирали ягоды, рвали цветы. Я же с группой аспирантов готовился к предстоящему экзамену по философии. Неожиданно громко заговорило радио: война...

Был митинг, деловитый и краткий. Преподаватели, студенты, аспиранты говорили о готовности идти добровольно на фронт... **25-го июня я был уже в Луге, где формировался 262-й отдельный стрелковый батальон.** Расположились в поле, рыли окопы, рыли, закладывали мины...

Тот, кто прошел фронт и уцелел физически и духовно, хранит в себе не только память об опасностях войны и горьких утратах, которые в боях неизбежны. Он помнит и другое: фронтовую дружбу, товарищеское единство, общность дела и особую слитность чувств всех бойцов.

Обстановка на фронте тогда была тяжелой. Пылали склады с продовольствием, обмундированием, над нами летали фашистские самолеты, горели колхозные деревни, по полям бродил скот. Население уходило на Восток.

Первые бои батальон принял около станции Сольцы, в глубоком окружении. Не верьте, что перед боем не страшно. Нет, страшно. И так хочется жить! **Батальон наш был разбит. Я был ранен в левую ногу и контужен. Долго лежал без сознания на опушке леса. Пришел в себя от команды: "Кригсгефангене, ауфштеен!" ("Пленные, встать!").** Немцы согнали нас на голое поле. "Все - лежать, кто встанет - расстрел". Тело ныло, болело, сознание было подавлено случившимся. До Риги гнали нас пешком. Колонна измученных, полубольных, раненых красноармейцев двигалась медленно. Упавших тут же пристреливали. Вдоль дороги лежали трупы, стояли обгоревшие танки.

Привокзальная площадь в Риге была обтянута в три ряда колючей проволокой. Шли осенние дожди... Нас загнали в лагерь военнопленных. Голод, холод, болезни подрывали наше здоровье.

По утрам в лагерь приезжала телега, запряженная парой тяжеловесных лошадей. В

нее бросали трупы. Иногда в телегу попадал полуживой человек. Он пытался кричать слабым голосом: "Я еще живой", но возница отвечал: "Лежи, все равно скоро умрешь..."

Однажды я случайно попал в команду пленных, предназначенную для работы. Нас посадили в грузовую автомашину и повезли за двести километров, в Виндаву. Небольшой лагерь, человек на семьсот. Бараки, нары... В серых сумерках раннего утра всем выдавали по миске супа из гнилой капусты, по двести граммов хлеба с опилками и гнали на работы в порт. Мы грузили корабли углем, дровами, досками, шерстью. Работали по 16 часов в сутки. Фашисты относились к нам как к скоту. Они издевались над нами, били, кололи штыками. Был среди нас пленный Орехов, колхозник со Смоленщины. Немецкий офицер приказал ему петь, но он отказался. Тогда Орехова поставили к стенке и расстреляли.

Комендантом лагеря был некий Лашкин, а охранял его полицаи, по кличке Дубина. Он ходил с палкой, на которой было вырезано: "Дисциплина"...

Как-то во время работы на лесопильном заводе ко мне подошла женщина, высокая стройная латышка. Она дала мне хлеба, вареной картошки и кусочек сала. В ее глазах было столько скорби и ужаса. В хлебе была записка, с ее адресом и фамилией. Звали ее Анна Гринберге. Мне не пришлось больше попасть на этот завод, но с женщиной завязалась переписка. Я посылал Анне письма с одним моряком, молодым парнем из Москвы. Она умудрялась передавать мне хлеб, картошку, сало, иногда молоко. Все полученное мы делили с товарищами. Чувство огромной благодарности к этой женщине согрело нашу горькую жизнь. Анна прислала мне теплую шапку, варежки, носки. Латыши сочувствовали нам и поддерживали как могли. Мы чувствовали с их стороны симпатию к нашему народу. Хотелось жить и бороться. Скованы крылья, подавлена душа, но впереди сквозь мрачную ночь войны мы видели светлые огни Победы.

Однажды ночью нескольких человек, в том числе и меня, сняли с нар и посадили в холодную, не топленную избу - карцер. Холод пронизывал душу и тело. Дней через десять нас доставили в большой Рижский лагерь, где формировался этап для отправки в Германию.

В вагоны для скота до отказа набили пленных. Сидеть было нельзя. Мы стояли, навалиясь друг на друга. Утром открывались двери, солдаты штыками выбрасывали трупы, ставили ведро с водой и бросали буханку эрзац-хлеба на пятёрках. Девять суток длилось наше путешествие в Германию.

Привезли нас в большой лагерь около Гамбурга. Стандартные бараки из теса, окрашенные в коричневую краску. Половина лагеря - для русских, вторая - для иностранцев. Измученные и голодные, смотрели мы из-за колючей проволоки на французов, поляков, сербов.

Один серб принес мне шинель и пилотку. "Една кров, братушка, една кров - славяне, глава одна", - сказал он и пригласил меня в свой барак. Я прошел в лагерь соседей. Сербы и хорваты встретили меня по-дружески, накормили, дали хлеба, папирос, продуктов (они получали посылки Красного Креста).

Поляк-переводчик донес об этом немцам. Меня привели в лагерную полицию. Били... Потом посадили в одиночную камеру, а затем отправили в штрафной лагерь, на торф. Три месяца с утра до ночи, стоя по колено в воде, я резал торф, складывал его в штабеля, возил глыбы торфа на тачке. Работа была тяжелая, но, благодаря движению и свежему воздуху, я немного окреп.

В 1943 году большую группу пленных заковали в ручные кандалы и в трюме большого парохода доставили на остров Гельголанд в Северном море.

Перед нами открылась большая голая коричневая скала. На вершине ее виднелся большой крест. Рядом - кирха, церковь. У подножия гор - небольшие двухэтажные дома. Растительности никакой. Гладкие голые скалы...

Нас перегнали в северную часть острова, где стояли два барака, обнесенные колючей проволокой. Конвоиры пересчитали нас. Всего оказалось 800 человек.

Шумело холодное, удивительно светлое, чуть зеленоватое Северное море. Видно было, как стайками плавала в воде макрель, красивая золотисто-синяя рыба. С криком пронеслись большие морские чайки. Они опускались на волны, ныряли и снова взмывали в воздух.

На острове строился аэродром, воздвигались доты, бетонировалась площадь. В 1944 году над

Решение пришло не сразу...

Четырехлетняя Ниночка была самой младшей в своем интернате, когда его расформировали, часть воспитанников переходила в наш интернат, в деревню Медведово, и Нина в их числе. В деле Лейхтман Нины Львовны значилось: отец пропал без вести, мать убита при обстреле г. Ленинграда.

Приехала комиссия для оформления передачи детей и имущества. Привели детей. При виде незнакомых людей Ниночка смутилась, а страшное название - Медведовский интернат - окончательно расстроило ее. Оглядываясь кругом, она вдруг остановила на мне свой взгляд и бросилась ко мне с громким плачем и возгласом: "Мама, мама!" Я посадила ее на колени и, стараясь утешить, говорила ей ласковые слова. Постепенно девочка успокоилась, только большие черные глаза ее смотрели грустно. Она все крепче прижималась ко мне, обхватывала руками и доверчиво повторяла: "Мама, мама".

В интернате тепло встретили вновь прибывших. Новые воспитанники быстро освоились с обстановкой и влились в коллектив. Только Нина не отходила от меня и продолжала называть меня мамой. И я привязалась к ней.

Решение пришло не сразу, я долго обдумывала его. Я понимала, какую беру на себя ответственность, сколько трудностей и хлопот предстоит мне. Но, взвесив все, я твердо решила: возьму Ниночку на воспитание. И вот выполнены все формальности, произведена регистрация в книге записей Медведовского сельсовета и Нина стала моей законной дочерью, а я - ее мамой.

Листмангоф,
заведующая интернатом № 26, деревня Медведово

Все ребята скучают по дому

(из письма в Ленинград)

"...Конечно, все ребята скучают по дому, особенно старшие. Малыши ко всему легче привыкают, да некоторые и плохо помнят дом. Вот, например, Валя Росина. Ей было всего полтора годика, когда ее вывезли из Ленинграда, еще говорить не умела. К кому она обращалась со своим первым словом "мама"? Конечно, к тому, кто был ей ближе всех - к нянечке Насте. Так и до сих пор называет ее "мама Настя". Знает из рассказов, что есть у нее в Ленинграде другая мама, с которой она будет жить, когда окончится война, даже рада, по примеру других, когда получает от мамы письмо, но, конечно, ее себе совсем не представляет. Спрашивает: "Мама Настя, в Ленинграде будет интернат?" - "Нет, - говорит Настя, - в Ленинграде ты со своей мамочкой будешь, с мамой Марусей". - "А ты, мама Настя?" - "А я буду жить со своим сыночком, с Шуриком. Ты будешь приходить ко мне в гости". - "Я буду приходить к тебе жить", - решила Валя.

Хуже - с папами. Папой называть некого. Расскажу такой случай. Приехали как-то с обследованием двое мужчин - пожилой из обкома и молодой паренек - из райкома комсомола. Зашли в комнаты к дошколятам. Те, как увидели паренька, окружили его, забираются на колени, на плечи, и сначала Женя Горелик крикнул: "Папа!", а за ним все наперебой как закричат: "Папа, папа!". Паренек очень смутился, потом растрогался, стал с ребятами играть, возиться и, уезжая, вдруг нам говорит: "Знаете, у меня нет детей, но обязательно будут!"

О. Орлова,
воспитательница интерната Гос. Эрмитажа, ст. Ляды

Я обнимал во сне родную землю

нами стали пролетать американские самолеты. Гул их не прекращался, на остров падали какие-то металлические ленты. Иногда самолеты сбрасывали бомбы. Немцы из зениток сбили один самолет и выставили его, как трофей, посредине острова, напротив единственного шестизэтажного дома, где раньше размещался аэродром. Здание было полуразрушено кое-где и сверкало уцелевшими зеркальными стеклами. Низко нависшие тучи плыли над неприветливыми скалистыми берегами. Ветер нес соленые брызги. Дождь хлестал все сильнее и сильнее. В такое ненастье мы промокли до нитки, т.к. работы не прекращались.

2-го февраля 1943 года немцы вывесили черные флаги. Траур охватил всю Германию. А газеты писали, что 20 дивизий окружены на Волге. "Армия Паулюса погибла". Нас это окрыляло, давало надежду жить. Мы строили планы. Угнать катер в открытое море и идти на нем к берегам Англии. Так хотелось свободы. Но вокруг курсировали подводные лодки, шныряли быстроходные военные катера. Риск был безрассуден. Меня три раза за это время сажали в карцер, в обитую черным ржавым железом каморку, били по ногам, по голове. Я терял сознание. Седой, похожий на ястреба полицай избивал меня, и чем больше я молчал, тем злее он был. Один за другим сыпались удары: "Русский офицер-коммунист"... Но среди немцев находились и человеческие люди. Нам помогал один сторож-старик. Он собирал на кухне куски хлеба, остатки солдатского супа и всю эту еду оставлял за цементными мешками. Мы были ему благодарны за эту материальную поддержку.

В начале 1944 года нас вывезли с острова. Новый лагерь был небольшой, но еще более суровый. Немцы были страшно злы и относились к нам по-зверски. Рассказывали, что четверо пленных убежали из этого лагеря, и фашисты нам мстили за них.

Шла весна 1945 года. Мы уже знали, где наша Красная Армия. Ее приход был неизбежен. Но об этом мы молчали. А в глубине души ждали ее упорно и терпеливо, как избавление от плена. Немцы внешне старались держаться спокойно, но на лицах их были написаны тревога и страх за свое будущее.

Нас погнали маршем через Германию. Мы впервые видели немецкие деревни: дома из

красного кирпича, шоссейные дороги, по обоим сторонам которых посажены фруктовые деревья. Во дворах крестьян было много скота - коров, овец, свиней. Ясно, что страна жила за чужой счет. Везде, куда ни бросишь взгляд - колючая проволока, бараки... Навстречу нам попался строй из девочек-евреек. Их вела белобрысая немка в военной форме, с резиновой палкой. Одна девочка оглянулась. Ее черные большие глаза застыли в недоумении, губы шептали: "Русские, русские". Заметив это, немка-конвоир подошла и со всего размаху ударила дубинкой девочку по голове, и на ее черных кудрях тотчас выступила кровь...

Наводнение фашистской Германии подневольными рабами ускорило ее поражение. Лагерь недовольных гитлеризмом был слишком велик. В плену никакие муки и пытки не могли сломить мужества наших людей.

Долгожданная радость пришла 5 мая 1945 года. Мы ночевали в больших сараях одной деревни. На рассвете услышали грохот танков. Выбежали на дорогу. Двигались машины. Управляли ими негры. Выделялись белые зубы, толстые красные губы. Мы окружили их танки. На нас сыпались галеты, консервы, варенье, мед в банках. Немецкий конвой сбежал. Начался пир на весь мир. Впервые за четыре года довелось насытиться вкусными вещами.

Американцы вели себя в городке весьма непринужденно: гремела музыка, кружились пары, солдаты мчались верхом на лошадях, катались на лодках по большому озеру. Вечерами на бульварах они просто безобразничали, и местная полиция ничего не могла с ними сделать. Солдаты приставали к девушкам, говорили непристойности. Молодые мужчины вступались за них, защищали. Тогда возникали драки и стрель-

ба. Армии в строгом смысле слова не было. Никакой военной дисциплины. Видно, что солдаты наемные, и воюют они за деньги, ясной идеи у них нет.

В 1946 году я вернулся в Ленинград. Он произвел на меня тяжелое впечатление. Дома, забитые фанерой, следы блокады выступали на каждом шагу. Снабжение было по карточкам. Но люди радовались жизни, теплоте весеннему лучу солнца. В Институте имени А.И.Герцена встретили меня тепло и приветливо. Я узнал, что из 27 аспирантов, ушедших на фронт, вернулись только трое. Я восстановился в аспирантуре и стал усиленно работать над диссертацией. Содержание ее мне подсказала пережитая тоска по Родине, по нашей советской земле: "Роль краеведения в коммунистическом воспитании детей".

Говоря о широкой реке, не следует забывать о ручьях, ибо они создают реку. Для того чтобы патриотизм был крепким, непоколебимым, нужно, чтобы он исходил из любви к своей маленькой Родине, к своему городу, селу, краю. Там, на чужбине, в фашистском плену, в тревожном сне я обнимал родную землю, тосковал по родным селам, городам, улицам, хранил в сердце нашу историю. Родина - это Пушкин, Толстой, Чайковский, Горький и Чехов, Сеченов и Павлов, Репин и Суриков, Суворов и Кутузов, - это наша земля, это наше богатство, добытое упорным трудом! На школьном материале можно раскрыть большую картину того, как много дает юноше на заре его сознательной жизни интерес к родному прошлому. Воспитывать с детских лет святое чувство к матери-Родине - это сложная, но благородная задача. Таков был стержень и моей научной работы. Защита диссертации в Институте имени А.И.Герцена прошла успешно. В 1948 году я окончил аспирантуру и уехал преподавать в город Курск.

К.Я.Хорьков,
выпускник педагогического ф-та 1937 г.

По-прежнему в строю

Герценовцы - несовершеннолетние узники концлагерей

Воронцова Елизавета Алексеевна - вахтер 13-го корпуса
Горбунова Нина Петровна - рабочая корпуса на Московском пр., 80
Горшкова Екатерина Николаевна - вахтер 11-го корпуса
Морозова Нина Ивановна - рабочая по уходу за животными агробиостанции в Вырице
Прохорова Валентина Павловна - рабочая геостанции "Железо"

Ленинград все такой же прекрасный

16 июля 1942 года. Дорогие ребята! Вы просите меня прислать несколько последних номеров "Ленинградской Правды". Каждому из вас хочется узнать больше о том, как живет наш любимый город, хочется хоть краешком глаза взглянуть на широкий проспект 25-го Октября (Невский), посмотреть на Неву, взглянуть на зеленые проспекты Петроградской стороны, побывать во Дворце пионеров, увидеть своих родных, знакомых. Я это прекрасно понимаю, ведь вы - ленинградцы и если Ленинград стал в дни войны особенно близким и родным городом для всех советских людей, то для вас - тем более, ведь большинство из вас родились здесь.

Что можно сказать вам о сегодняшнем Ленинграде? Он - такой же прекрасный и величественный, как и раньше. Ко всему прекрасному прежнему нужно только добавить новую особенность Ленинграда - она вытекает из Клятвы защитников Ленинграда, которая гласит: "Врага не пустим!".

Посылаю вам сегодняшний номер "Ленинградской правды" (от 16.07) и очерк Кармена "Весенний Ленинград", напечатанный в журнале "Огонек" от 28 июня 1942 г., № 26. Газета и очерк помогут вам лучше представить жизнь героического Ленинграда. В каждой заметке вы найдете непреклонную волю ленинградцев к борьбе и по-

беде. В сегодняшнем номере газеты не напечатано, что идет в театрах и кино, но это не значит, что сегодня они не работают. Во всех кинотеатрах демонстрируется новый фильм "Ленинград в борьбе". Он рассказывает о героической борьбе Ленинграда с первых дней войны. В театрах также были представления. В подтверждение этого я посылаю театральный билет, по которому один из моих краснофлотцев смотрел "Баядерку". Он получил этот билет за отличную боевую работу. "Ленинградская правда" выходит на 2-х страницах, а не на 4-х, как раньше. Ленинградцы экономно расходуют каждый лист бумаги. Буду очень рад, если газета и очерк помогут вам ближе познакомиться с жизнью Ленинграда, еще лучше понять его героическую борьбу и, в свою очередь, еще лучше настроить вас на то, о чем пишется в передовой статье газеты.

О вашей жизни, работе, ваших успехах я знаю из писем Жени, но, конечно, знаю мало и буду рад узнать больше. Если будет у вас время, напишите мне. Буду рад получить такое письмо.

До свидания! Желаю вам здоровья, бодрости и успехов в ваших делах.

Ваш С.Лигун
Сердечный привет вашим родственникам.

(Письмо детям в интернат на ст. Нея)

Есть у памяти свойство такое:

После самых суровых невзгод

Забывается быстро плохое,

А хорошее долго живет.

И когда о дорогах войны я

Вспоминаю с друзьями сейчас,

Всевозможные вещи смешные

В разговоре мелькают у нас.

Но хранит наша память иное,

Озаренное светом большим, -

То, что собственно было войною,

То, что попусту не ворошим.

То, что мы охраняем неволью

Часто даже от мыслей своих,

Чтобы сердцу не делалось больно

Каждый день, каждый час,

каждый миг...

Константин Ваншенкин